VISIT…

LANZAROTE Caliente.COM

1526 А 22/4

ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ ЧЕРНОКОЖИХ

В. В. ТРОИЦКИЙ.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

А 9974

В. В. ТРОИЦКИЙ

ПУТЕШЕСТВИЕ В СТРАНУ ЧЕРНОКОЖИХ

34/33

С 18 рисунками

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1928 ЛЕНИНГРАД

Главлит № А—4506 К—30/Гиз № 22100 Тираж 20 000 экз.
Типография Госиздата „Красный пролетарий“. Москва, Пименовская, 16.

ОТ РОССИИ ДО ЕГИПТА.

Выйдя из Одессы 20 февраля 1912 года, наш пароход шел по Черному морю и переплыл его поперек через полторы сутки. Втечение этого времени было скучно, как и всегда во время плавания по морю.

Дойдя до противоположного берега моря, наш пароход вошел в то, что называется проливом, то есть он пошел по узкой полосе воды, похожей на реку и соединяющей одно море с другим. Пролив Босфор, в котором мы теперь находились, соединяет Черное море с Мраморным.

Берега этого пролива гористы. На них в беспорядке расположились дачи турецких богачей.

Около получаса наш пароход двигался по проливу, и мы любовались его красотой. Вдруг, совсем неожиданно перед нами открылся вид на город Константинополь, тогдашнюю столицу Турции (см. карту). Картина перед нами развернулась прямо сказочная. Домики, то маленькие, то большие, то нагромоздившиеся как будто друг на

друга, производили издали впечатление чего-то совершенно особенного, необычного. Их своеобразные украшения, окна, заделанные ремешками, местами плоские крыши и тому подобное делали вид Константинополя настолько необычайным и в то же время красивым и величественным, что лучшего в своей жизни я ничего не видел.

Когда наш пароход причалил к пристани, нас оглушил незнакомый говор и крики людей, ожидавших его прибытия. Толпа состояла из турок. Их одежда, их суетливость, их слишком громкий говор и постоянное размахивание руками были для нас совершенно необычны. Темнокожие, как бы с загорелой кожей, черноглазые, с черными волосами, в красных фесках (то есть в войлочных шапочках), они толпились на пристани, как будто споря друг с другом.

Это было первое заграничное впечатление. Мы были в новом государстве — в Турции.

Пароход простоял в Константинополе полторы сутки. В это время я с несколькими пассажирами ходил по городу, осматривал его и удивлялся многому, чего у нас нет.

Константинополь — бывшая столица Турции. Но, несмотря на важное свое значение, этот город неблагоустроен. Улицы в нем так узки, что местами нельзя проехать на простой тележке. Насколько это неудобно, насколько это нехорошо, можно заключить уже по тому, что даже пожарные со своими насосами, лестницами и всякими

Рис. 1. Карта, изображающая Европу и Африку. На ней точками, начиная от Москвы, показан путь, по которому ехал Троицкий в страну чернокожих.

приспособлениями должны бегать на пожар просто бегом. Проехать нельзя. Из-за скученности и невозможности во-время приехать на пожар, в городе часто выгорают целые участки. Пожар — это огромное бедствие для Константинополя. Такие узкие улицы во всем городе. Даже в той части его, где живут европейцы, улицы не широки, хотя там уже можно по ним проехать и разминуться двум-трем экипажам или повозкам.

Необычными являются для нас и те люди, которые ходят по улице. Не говоря уже о красных фесках мужчин, совершенно странными нам кажутся женщины. Дело в том, что турки исповедуют магометанскую веру, а по ее правилам женщинам запрещается показывать свое лицо. Поэтому они выходят из дому закутанные в черные балахоны и, что особенно странно, с закрытым совершенно лицом. Видны только одни глаза. Эти мрачные, таинственные фигуры медленно двигающиеся по улицам, придают какой-то таинственный характер городу. Только со времени турецкой революции турчанки получили некоторую свободу и стали носить прозрачное кисейное покрывало. В последнее же время некоторые пошли еще дальше и начали ходить уже с совсем открытым лицом. Но это только в самое последнее время.

Много было бы можно рассказать интересного об этом городе, об его нравах, обычаях, совсем непохожих на наши. Но мы едем в далекую Африку и пока пройдем мимо.

Через полторы сутки стоянки в Константинополе наш пароход отчалил и скоро вышел из Босфора. Перед нами открылось Мраморное море.

Через сутки, переплыв и это море, мы вошли в другой пролив — Дарданеллы. Этот пролив соединяет Мраморное море с другим, которое называется Архипелагом.

Этот пролив такой же узкий, как Босфор, и также похож на реку. Но его холмистые берега безжизненны и некрасивы.

Через несколько часов наш пароход подошел к пристани города Смирны (см. карту). Смирна — это турецкий городок, ничего интересного собой не представляющий. С узкими уличками, с кричащими при разговоре турками, со своеобразными окнами в домах. Все — как на окраинах в Константинополе.

Дальше мы поплыли по направлению к городу Пирею. И это — небольшой городок или, верней, поселок, расположившийся вокруг пристаней различных пароходных обществ — французских, английских и других. В нескольких верстах от него находится громадный город, столица Греции — Афины (см. карту).

Мы, несколько человек пассажиров, пользуясь остановкой парохода, сели на поезд и поехали в этот главный город Греции. Но самый город оказался мало интересным; это город с каменными домами в два-три этажа, мощеными улицами и так далее. Зато недалеко от него находится гора, на

которой сохранились очень старые постройки древнего народа, населявшего когда-то эту страну. Постройкам этим в настоящее время около двух тысяч лет.

Из Пирея наш пароход вышел под вечер и вступил в воды Средиземного моря (см. карту). Через двое с половиной суток мы, пассажиры парохода, наконец увидели вдали узенькую желтовато-серую полосу. Это был долгожданный берег Африки. Приближалась та громадная страна (см. карту), которая населена главным образом дикими чернокожими народами, среди которых немало племен людоедов.

Я ехал в глубь страны. Что меня там ждало? Какие опасности, какие болезни, какие тяжелые или приятные минуты жизни предстояло мне пережить? Но это было только начало. Впереди еще был виден только Египет — страна, хотя и находящаяся в Африке, но страна культурная, безопасная, богатая и здоровая. До конечного же места путешествия было еще очень и очень далеко.

Пароход наш скоро причалил к пристани громадного египетского города — Александрии (см. карту). Это — город, ведущий очень большую торговлю с целым рядом государств. Через него проходит огромное количество всевозможных товаров, которые сплавляются на небольших барках по многоводной реке Нилу (см. карту). Река эта больше, длиннее, многоводнее и быстрее, чем наша Волга. Товары к ней свозятся из обширных районов, которые занимают страны Египет и Судан.

Благодаря реке Нилу Египет чрезвычайно богат. Достаточно сказать, что на ее берегах можно снимать втечение года два, три и даже четыре урожая. При этом урожаи всегда бывают так обильны, что их сравнивать с нашими урожаями очень трудно или даже невозможно. Богатство Египта привлекает к себе внимание различных государств, и в последние годы страна находится в полной зависимости от Англии. Мало того, что эта страна богата, — в Египет европейские государства вывозят массу товаров, которые здесь продают.

Рис. 2. Араб Селим.

Египет населен арабами. Это — особый народ, поэтому о нем приходится сказать несколько слов. У арабов (рис. 2) не такая черная кожа, как у негров, но и не такая светлая, как наша, — цвет ее коричневый. Высокие, стройные, арабы первое время поражают своей красотой. Блестящие черные глаза,

прямой или орлиный нос, черные шелковистые вьющиеся волосы как-то непривычны для наших глаз. А женщины, как и турчанки, появляются на улицах закутанными, с закрытым лицом. Одежда арабов в городах — белая. На голове красная феска. И только в деревнях арабы носят серые или пестрые халаты, нередко очень грязные.

Александрия больше похожа на европейский город, чем Константинополь. Но и тут на окраинах те же узкие грязные и вонючие улички, как во всех турецких городах.

Такова ближайшая к нам часть Африки.

ОТ АЛЕКСАНДРИИ ДО МОМБАЗА.

На следующее утро я уже был в другом городе — Порт-Саиде, находящемся сравнительно недалеко от Александрии. Здесь я сел на немецкий большой пароход, который должен был меня доставить в город Момбаз (см. карту).

От небольшого городка Порт-Саида начинается узкий канал, который соединяет Средиземное море с Красным. Этот канал прорыт руками рабочих. Рыть его пробовали много раз, но безуспешно. Только в конце прошлого столетия это удалось сделать благодаря успехам техники. Канал этот проложен через пустыню, то есть среди голого песка и камней. На протяжении многих десятков километров[1]) здесь нет ни капли воды, годной

[1]) Километр равняется почти версте.

для питья. А человек без воды жить не может. Поэтому и была так тяжела работа по прорытию этого канала. Много рабочих погибло в пустыне. Но прорытие Суэца последний раз было облегчено тем, что был сперва проведен канал, по которому текла питьевая вода из Нила и ее могли брать рабочие.

Когда наш пароход вошел в Суэцкий канал, было странно смотреть, что такую узенькую речушку было так трудно проложить в этой пустыне. Значение же ее огромно: теперь пароходы, идущие из Европы в Индию, Персию, Австралию, Японию, Китай, на Дальний Восток и в другие страны, не должны обходить вокруг громадной страны Африки (см. карту). И этим сокращается путь на 15—20 тысяч километров.

Проехав Суэцкий канал, наш пароход, попал в море, которое называется Красным. Это название — Красное — ему дано потому, что иногда в воде этого моря появляется такое множество невидимых для глаз мелких бактерий[1]) красного цвета, что все море кажется красноватым.

Оно довольно узкое, но все-таки одновременно видеть оба берега нельзя: ширина его около 200 верст. Берег, который был виден с парохода, был берегом Африки.

Попав в Красное море, мы начали испытывать настоящую, так называемую тропическую жару.

[1]) Бактерии — мельчайшие живые существа, видимые только в увеличительное стекло.

Выезжая из Москвы 20 февраля, я был в шубе. В Одессе уже шубу пришлось снять и быть только в драповом пальто. В Средиземном море, через пять дней после отъезда из Москвы, уже было так жарко, что можно было совершенно свободно оставаться без пальто. В Красном же море палящий зной был невыносим, и жарко было даже в одной рубашке. Было 5—7 марта. Здесь, в тропиках, такая жара стоит круглый год.

Тот берег Африки, километрах в 10—15 от которого мы плыли, казался совершенно пустынным: ни одного деревца, ни одного кустика, лишь серый песок, камни и больше ничего. И это рядом с плодороднейшей страной около реки Нила!

Через семь суток плавания по Красному морю мы наконец подплыли к пристани города Адена (см. карту). Это — небольшой городок, приютившийся среди каменистых скал и гор. Кругом него та же пустыня, что и на африканском берегу, — камень, песок и опять песок. Солнце палит здесь невыносимо, нагревая почву так, что к ней нельзя прикоснуться.

Забрав уголь, пароход вышел из Адена и очутился в волнах Индийского океана, направляясь к городу Момбазу.

Океаном называется самое большое море в мире, во много раз большее, чем, например, Черное море, Азовское и всякое другое. Океанов на земле существует пять — Индийский, Атлантический, Великий или Тихий, Северный Ледовитый

и Южный Ледовитый. Каждый из них по площади своей больше нашего СССР. Если в морях бывают большие волны, качающие большие пароходы, то в океанах эти волны еще больше. И наш громадный пароход все семь суток, вплоть до города Момбаза, качало так, что он переваливался с боку на бок.

Во время переезда по Индийскому океану мы любовались, как то тут, то там из воды выпрыгивали стайки летающих рыбок. Они проносились обычно над водой метров 20—30 (саженей 10—15) и опять скрывались в беспредельной водной равнине. Летать так эти рыбки могут потому, что у них очень большие широкие плавники, похожие на крылья птиц. Обычно выскакивают они из воды, спасаясь от хищной рыбы или какого-нибудь другого врага.

Кроме того мы нередко любовались также игрой громадных рыбообразных животных — дельфинов, которые любят гоняться с пароходом наперегонки и всегда его обгоняют. Летающие рыбки и дельфины были нашим единственным развлечением за семь суток пути по Индийскому океану.

Наконец на тридцать первый день пути от Москвы, показался берег, на котором раскинулся город Момбаз (см. карту). Таким образом за тридцать один день мы проехали около десяти тысяч верст только на пароходе.

Берег, на котором расположился этот маленький городок, очень интересен. Когда мы вошли

в узкий залив, мы любовались роскошной растительностью, непривычной для наших глаз: рощи пальм, огромнейшие баобабы, яркозеленые бананы, тамаринды представляли чудную, невиданную картину какого-то сказочного мира.

Баобабы — это великаны-деревья, издалека напоминающие наши дубы. Но если подойти к такому дереву и обмерить его ствол, оказывается, что он в обхвате 50 и более метров. Он так громаден, что в дупле одного из баобабов в городе Момбазе какой-то индус догадался устроить целую лавку, в которой он бойко торговал. Эти исполинские деревья приносяг громадные плоды, похожие по виду на наши тыквы. Они съедобны и даже довольно вкусны.

Другие деревья — кокосовые пальмы (рис. 3), растущие здесь целыми рощами, представляют собой чарующее зрелище. Прямые, очень высокие, только с пучком листьев на макушке, не ветвящиеся, они чрезвычайно полезны для человека. Из их плодов — кокосовых орехов — жмут кокосовое масло; очень вкусное и питательное. В недозревших плодах заключается белый сок, который называется кокосовым молоком. Его пьют. Он вкусен. Ядро зрелых орехов, обычно достигающих по величине головы ребенка, тоже и съедобно и очень вкусно. Из него приготовляются различные кушанья — пироги, каша и прочее. Из волокон ствола этой пальмы вьют очень крепкие веревки. Листья ее служат для покрытия крыш.

Одним словом, 150—200 кокосовых пальм дают все нужное для ежедневного домашнего обихода целой семье местного жителя.

Кроме того здесь же растут высокие развесистые тамаринды, которые приносят вкусные плоды. Здесь же — апельсинные, лимонные и другие полезные деревья. Нередко можно видеть посадки каучуковых деревьев, из которых добывается резина, необходимая для изготовления калош, для электрических проводов и для целого ряда других изделий.

Рис. 3. Кокосовые пальмы.

Здесь же растет пальма дум-дум (рис. 4), орехи которой дают так называемую растительную слоновую кость, пригодную для изготовления пуговиц, мундштуков и других мелких поделок. Ее орехи — чрезвычайно твердый материал.

Здесь же растут кофейные деревья, дающие нам кофе. Кроме них — папайя, или, иначе, дынное дерево, на котором вызревают фрукты, чрезвычайно похожие на нашу дыню. Но запах у них сильнее, и зернышки внутри не плоские, а похожие на горох.

Нельзя не упомянуть еще об одном дереве. Это — банан. Его листья, около метра ширины и метра два длины, поражают своей нежностью и сочностью. Его плоды являются главной пищей почти всего населения этих стран. Но о банане я расскажу дальше.

Красота всех этих деревьев, растущих рощами или образующих густые заросли, производит неизгладимое впечатление на путешественника. Ничего подобного по своей роскоши и разнообразию видеть на нашей родине не приходится. Даже лучшие сады Европы, полные всевозможных цветов и причудливых растений, не могут сравниться с богатством и пышной растительностью здешних мест.

В этой-то стране я должен был собрать коллекции по возможности всех тех животных, которые здесь водятся. Мне надо было наловить здесь различных жуков, бабочек, комаров, мух и других насекомых, засушить их или сохранить в спирту. Мне надо было убить всевозможных птиц и снять с них шкурки так, чтобы из них можно было сделать чучела. То же самое надо было сделать с обезьянами, крокодилами и всякими

34133

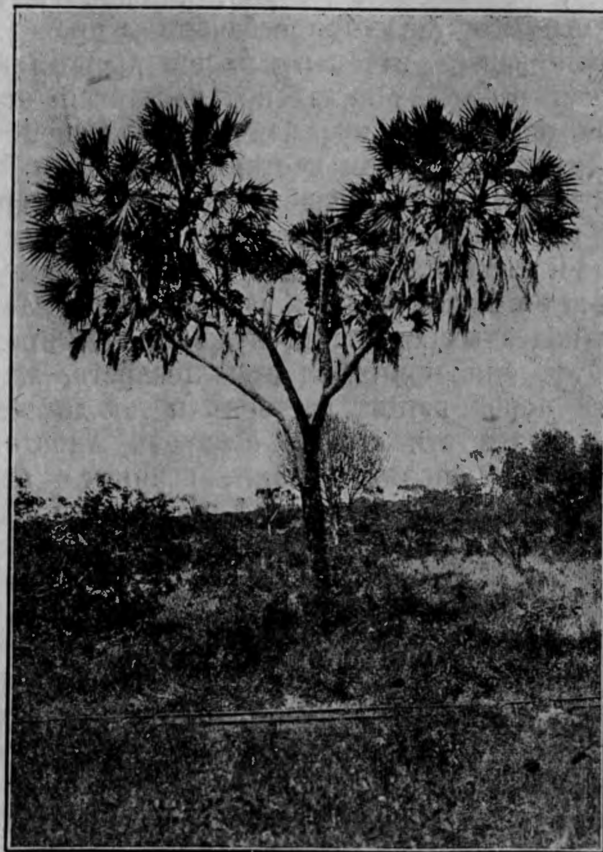

Рис. 4. Пальма дум-дум.

Библиотека Академии Наук СССР

другими животными, которые здесь во множестве водятся, — со змеями, рыбами, ящерицами, летучими мышами, летучими собаками и прочее.

Спрашивается: зачем нужна эта кропотливая и нелегкая работа, так далеко, в жаркой стране, полной опасностей и различных болезней, а не в каком-нибудь другом месте? А вот зачем.

Места эти изучены слабо. Мы не знаем хорошо, кто их населяет, какие полезные, какие вредные животные и растения в них водятся. В наших музеях почти нет этих животных. А точное знание дает нам много полезных сведений, нужных для промышленности, для приготовления лекарств, для изучения пород наших растений и так далее. Вот я и поехал в эти страны собирать животных и тем самым пополнить наши знания о стране, в которую не всякий решится сунуться. Такова была цель поездки.

В ГЛУБЬ АФРИКИ.

Полторы недели пробыл я в Момбазе, после чего отправился в глубь страны — к громадному озеру Виктории-Ньянца (до него от Момбаза около 900 километров.

Озеро это (см. карту) имеет 400 километров в длину и столько же в ширину, и скорей напоминает море, чем озеро. Но вода морей горько-соленая, а в озере Виктория-Ньянца она пресная, годная для питья. Только этим оно и отличается от моря.

В этих-то местах я должен был заняться изучением того, какие породы животных (крупных и мелких) водятся здесь.

Двадцать второго марта поезд, на который я сел, тронулся в путь, и медленно пополз вверх, на так называемую Центрально-африканскую возвышенность.

Пышная растительность, которой я так любовался в окрестностях Момбаза, быстро сменилась желто-серой степью с разбросанными по ней исполинскими одиночками баобабами. Вплоть до темноты наш поезд шел по этой скучной степи. И только перед самым наступлением ночи картина изменилась. Показались сплошные заросли невысокого колючего кустарника, слабо покрытого листьями. Они так густы, что почти непроходимы для человека.

Проснувшись утром на следующий день и выглянув из окна, я был поражен открывшейся перед моими глазами картиной. Это было нечто удивительное. По желтой, почти ровной, широко раскинувшейся степи, покрытой полувысохшей короткой травой, бродило бесчисленное множество самых разнообразных животных. Здесь были всевозможные рогатые антилопы — то маленькие, похожие на наших коз (рис. 5), то большие (величиной с корову) (рис. 6), то с прямыми рогами, то с извитыми, то с изогнутыми. Здесь были и так называемые гну (рис. 7) — странные животные, рогатые и в то же время похожие на лошадь.

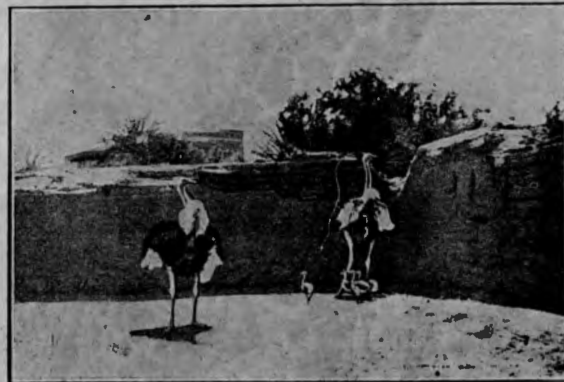
Рис. 5. Газель Гранта.

Рис. 6. Антилопа Куду.

Рис. 7. Антилопа Гну.

Здесь же бегали страусы (рис. 8), самые большие на земле птицы (гораздо выше человеческого роста), не умеющие летать. Чинно разгуливали большие птицы-змееяды, или, как иначе их называют, птицы-секретари, питающиеся змеями. За холмами то-и-дело были видны странные качающиеся длинные шеи жирафов (рис. 9). Но-

Рис. 8. Семейство страусов.

сились, сломя голову, громадные дикие свиньи, и бегали табунки полосатых лошадей-зебр (рис. 10). И было чрезвычайно странно среди этой непривычной, чуждой компании вдруг увидеть зайца. Но он, очевидно, чувствовал себя здесь прекрасно и не пугался во множестве бродивших и резвившихся тут полосатых лошадей—зебр—и других животных.

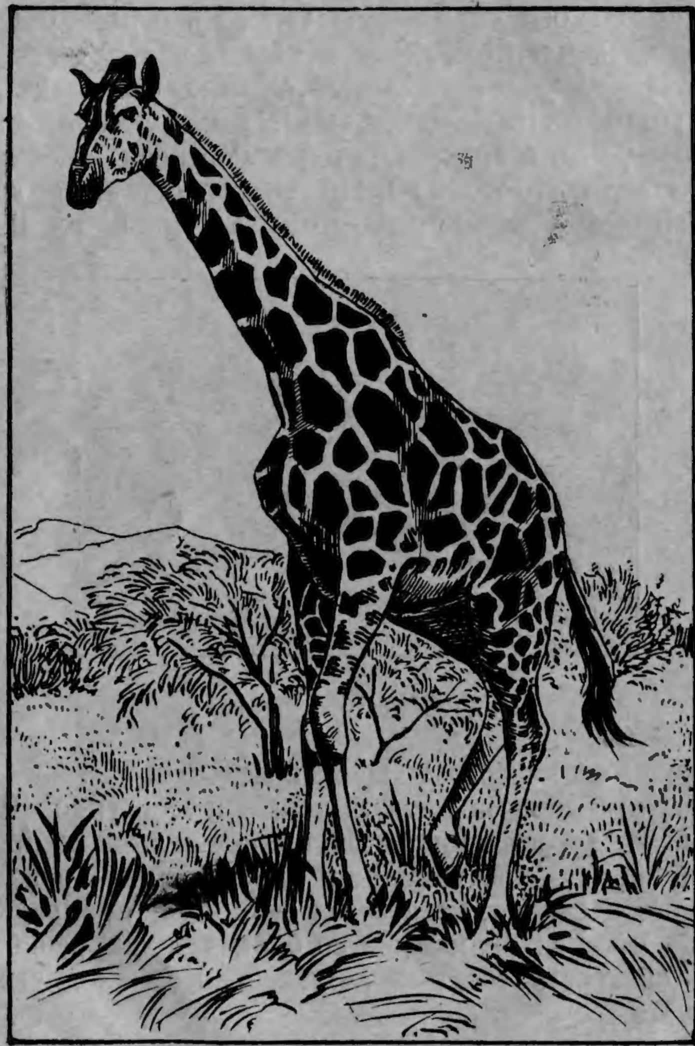

Рис. 9. Жираффа.

Рис. 10. Зебра.

Такое обилие диких животных объясняется тем, что англичане запретили в этих местах охоту. Иначе все звери были бы здесь давно перебиты приезжающими из Европы любителями-охотниками. Целый день я любовался этим огромным зоологическим садом, взращенным самой природой.

На следующий день поезд прибыл в Порт-Флоренс, маленький городок, находящийся на берегу озера Виктория-Ньянца. Пробыв здесь восемь дней, я погрузил свои вещи на небольшой пароход, который вскоре и тронулся в путь. Через три дня мы прибыли на другой берег этого озера, в город Букобу, к цели моего путешествия. Дальше начиналась уже совсем дикая страна, населенная чернокожими — неграми.

БУКОБА И ЕЕ ОКРЕСТНОСТИ.

Город Букоба представляет собой маленкий поселок, в котором живет всего тридцать европейцев. Остальные жители — негры, принадлежащие к племени Ва-гайя.

Самый город состоит из нескольких домиков, в которых живут европейцы. Здесь есть крепость, тюрьма, почта, и радиотелеграф. Жилые домики окружены садиками и заборами из колючего кустарника. Они разбросаны далеко друг от друга. Рядом с крепостью, находящейся на пригорке, — базарная площадь, где индусы, приехавшие сюда из Индии, продают свои незатейливые товары неграм.

В Букобе имеется также и один европейский магазин, в котором за хорошие деньги можно достать, кажется, все, кроме птичьего молока. Здесь были даже русский черный хлеб и папиросы «Трезвон» и «Тройка».

В древесных рощах около города можно встретить стада серых мартышек (рис. 11), прыжки и проделки которых заставляют удивляться их ловкости. В этих же зарослях живут различные крысы — такие, как наши, и гораздо более крупные. Так, здесь нередко можно встретить особую породу крыс, длина которых метр (полтора аршина). В листве деревьев ютятся многочисленные птицы. Многие из них мелки, но поражают своей яркой и чрезвычайно разнообразной окраской. Особенно красивы птички, которые называются нектаринами. Их окраска с металлическим блеском, то ярко-красная, то яркозеленая, то лиловая или какого-нибудь другого цвета, заставляет невольно любоваться ее радужными переливами. Пролетают нередко здесь и туканы — большие птицы, с громадным клювом, который хоть и велик, но очень легок, так как он пустой. Окраска туканов главным образом белая с черным или черная. Здесь много различных галок, ярко окрашенных в разные цвета: в лиловый, зеленый и другие; попадаются также черно-серые, как наши. Высоко под облаками летают громадные орлы. На камнях, на берегу сидят бакланы, чайки, рыболовы и другие птицы, питающиеся рыбой.

Ночью жизнь здесь не прекращается. Раздаются ужасные крики небольшого зверька—дамана. Кричат, точно плачут, лемуры, ловко лазающие по деревьям. В воздухе летают тысячи летучих мышей и летучих собак. А с воды и с суши несутся крики миллионов лягушек — болотных и древесных. Из степи доносится коварное мяуканье леопардов (рис. 12) — этих огромных пятнистых кошек, которые так же дики и ужасны, как тигры. Они очень кровожадны, нападают не только на животных (коз, коров), но даже на человека. И нередко леопарды забираются ночью в хижины негров и утаскивают оттуда ребенка, а то и взрослого человека. В этих местах около озера Виктория-Ньянца леопардов множество. Кроме этих крупных и часто очень страшных животных имеется здесь и масса всяких мелких тварей. Комары, например, собираются здесь такими большими тучами, что их можно видеть издали на большом расстоянии.

Совсем другая картина, если отойти от города на полверсты: там степь. Высокая, иногда выше роста человека, трава покрывает ее (рис. 13). И только около негритянских деревушек здесь можно найти кой-какую древесную растительность, главным образом рощицы бананов (рис 14). Такова природа окрестностей города Букобы.

Целый месяц пробыл я здесь, исследуя эти места и собирая животных. Затем я отправился

Рис. 11. Серая мартышка.

Рис. 12. Леопард.

Рис. 13. Слоновая трава.

в лесок, приютившийся между гор, в семи верстах от Букобы, и называемый Кибира.

Это место представляет собой настоящий тропический лес, хотя и очень небольшой. Деревья здесь очень высокие, густо переплетающиеся между собой верхушками. Поэтому наверху образуется нечто вроде крыши, через которую еле-еле пробивается солнечный свет, так густа там листва. Здесь, в этом леске, не чувствуется ужасной тропической жары, а наоборот — всегда прохладно и приятный полумрак. Под ногами расстилается ковер из мха, и растут мелкие папоротники.

Рис. 14. Хижина негра и рядом с ней посадки банановых деревьев.

Под высокими деревьями, на берегу журчащего чистого ручья, я раскинул свою палатку. Красота была необычайная. Отовсюду неслись крики и чирикание самых разнообразных птиц. Наверху, в деревьях, можно было видеть головоломные упражнения серых мартышек. Но что особенно меня поражало, так это очень большое количество змей, державшихся в листве на вершинах деревьев. Черные, серые, пестрые и главным образом зеленые, они охотятся там на неосторожных мелких пташек.

С первыми лучами солнца появляются многочисленные бабочки, крупные и очень разнообразные по своей окраске. На земле шуршат насекомые, бегают мыши, крысы. Здесь же водятся и более крупные животные, например дикобраз, покрытый длинными острыми иглами, а иногда даже большие дикие свиньи, называемые бородавочниками.

Здесь, в этом леске, произошел со мной однажды такой случай. Шел я и ловил бабочек, которых осторожно укладывал в бумажные мешочки. Шел и ничего не подозревал. И вдруг, в нескольких шагах от себя увидел два темных глаза. Я остолбенел — передо мной стоял леопард, пригнувшись немного к земле. Одним ударом лапы он мог свалить меня и перегрызть горло. Это ему ничего не стоило. Смерть стояла передо мной. Сознаюсь, эта встреча была так неожиданна, что я совсем растерялся. Было за плечами ружье, в кармане

револьвер, но я обо всем забыл. Может быть, это и к счастью! Сделай я движение, я был бы растерзан. Первым в себя пришел леопард. Он присел и вдруг прыгнул в сторону. Только тогда выхватил я револьвер и выстрелил несколько раз в воздух.

Такая встреча с леопардом днем — большая редкость. Он — животное ночное и днем всегда скрывается в кустах или в густых зарослях.

ПЛАНТАЦИЯ ЭЙСМАНА.

В этом лесу Кибира я прожил две с половиной недели, после чего переселился на кофейную плантацию Эйсмана, которая расположена в двенадцати верстах от города Букобы.

Только побывав на плантации Эйсмана и познакомившись с ее постановкой и доходностью, я впервые понял, как обогащаются здесь европейцы-капиталисты, пользуясь темнотой и бесправием негров.

Приехав на Викторию-Ньянца, Эйсман купил у здешнего султана Каиги около тысячи гектаров (десятин). Стоит земля в Африке вообще очень мало. Рабочие руки в Африке тоже оплачиваются крайне дешево. Там платят за 28 дней рабочему, живущему на собственных харчах, 4 рубля 72 копейки. За эти деньги он обязан работать по 10 часов в день. Таково положение дел! Эйсман это учел и, истратив небольшой капитал, засадил в течение пяти лет почти всю свою землю кофейными деревцами.

Эти маленькие растения, всего в метр с небольшим высотою, не требуют за собой никакого ухода (рис. 15).

Рис. 15. Маленькие кофейные деревца чередуются с более крупными банановыми деревьями.

Кофейное деревце, кроме того, что оно приносит доход, интересно само по себе еще и вот чем. У нас все деревья, например вишня, яблоня, сирень, акация, цветут раз в год. Затем на них появляются плоды, которые одновременно созревают на всех деревьях того или иного сорта. На

кофейном же дереве они созревают в разное время. Не только на одном дереве, но даже на одной ветке нередко можно найти и цветок, и завязь, и незрелый плод, и совсем созревшую ягоду. И так круглый год.

Их только нужно оберегать от ветра, так как они очень ломки. В промежутках между кофейными деревцами сидят банановые деревья, которые достигают высоты трех-четырех метров (полутора-двух саженей). Их широкая крупная листва легко защищает кофейные деревца от поломки, когда дует даже сильный ветер. А надо заметить, что банановое дерево в этих местах стоит на наши деньги около полкопейки.

Что касается самого кофейного деревца, то оно уже на четвертый год дает столько плодов, что окупает все расходы, которые были сделаны на него. На пятый год оно уже приносит чистого барыша 1 рубль—1 рубль 25 копеек. Таким образом, когда я был у Эйсмана, миллион кофейных деревьев уже давал ему дохода миллион рублей в год. Другой миллион деревьев еще недостаточно вырос и только окупал себя. Третий же миллион представлял собой молодняк.

Другими словами, через несколько лет Эйсман должен был получать свыше трех миллионов рублей дохода, затратив всего тридцать тысяч рублей.

Это обычно для жаждущих наживы европейцев-капиталистов в Центральной Африке. Сюда они приезжают сравнительно на короткий срок — на несколько лет — и стараются нажиться за счет выжимания труда из дешевой рабочей силы и темноты и зависимости негров. Эйсман, Макари и другие здешние плантаторы используют для своих целей землю и труд населения. Другие скупают за бесценок то, что могут здесь купить ценного, — слоновые клыки, клыки бегемотов, шкуры крупных животных (антилоп, буйволов и т. п.). Некоторые же стремятся продавать местному населению, не имеющему ни фабрик ни заводов, фабрично-заводские изделия, например мануфактуру, бусы, зеркала и прочее. Продается это с громадным барышом.

Все это представляет собой явную эксплоатацию, узаконенный грабеж туземцев-негров. Этому покровительствуют государства Англия, Франция, Италия и Бельгия, которые почти всю Африку поделили между собой и извлекают из нее громадные богатства.

БЫТ НЕГРОВ.

Раскинув палатку недалеко от ручья, на кофейной плантации Эйсмана, я занялся сбором коллекций различных животных. Особенно интересного, поражающего своей величиной или окраской, здесь ничего не было. Все уже я видел или около Букобы или в лесу Кибира. Единственное, что обращало на себя внимание, — это большое количество страшно ядовитых змей (рис. 16).

Одна из них, очень толстая (толще человеческой руки), но короткая (около аршина), пестрая, была ужасом для рабочих плантации. Если она кусала кого-нибудь, смерть неминуемо наступала через два-три часа. Только один раз мне удалось спасти маленького негритенка, которого укусила эта змея на моих глазах. Я быстро прорезал чистым ножичком место укуса, выпустил две-три рюмки крови и впрыснул под кожу этому мальчику лекарство (сыворотку против змеиного яда). Трое суток он ужасно страдал. Нога у него страшно распухла, сделалась твердой, как бревно, и перестала сгибаться. Но затем наступило улучшение, и через несколько дней он уже бегал, как ни в чем не бывало.

Здесь на плантации Эйсмана у меня было достаточно времени, чтобы поближе познакомиться с жизнью местного населения — негров племени Ва-гайя. Их жизнь чрезвычайно для нас интересна.

Прежде всего скажем о неграх вообще.

Известно, что на земле живут три главных расы, или породы людей. Вопервых — кавказская, или белая раса (русские, немцы, французы и другие). У всех народов этой расы кожа светлая, розоватая. Далее — желтая раса, например китайцы, японцы и прочие. Кожа у этих народов желтоватая, волосы всегда черные, жесткие и прямые, тогда как у людей белой расы волосы бывают (как у нас, у русских) коричневые или даже

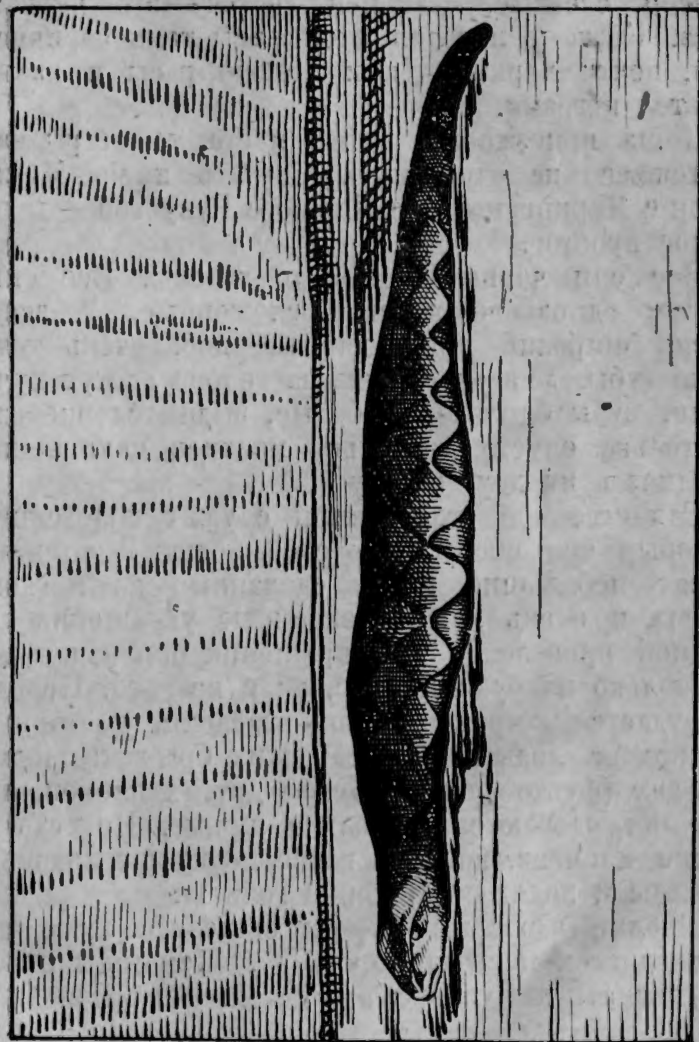

Рис. 16. Ядовитая змея — габунская гадюка.

совсем светлые. Наконец третья — это черная раса. Кожа у народов этой расы темнокоричневая, почти черная. Люди этой-то расы и называются неграми.

Когда приезжаешь в эти места, то негры кажутся все на одно лицо. Спутать имена Мушмари с Марингумой или Катото с Рувунгой — дело самое простое.

Все они черные с ног до головы. Все они голые, одинаково красиво сложенные. У всех очень широкий приплюснутый нос, очень толстые губы. У всех волосы на голове растут пучками, зубы блестящие, белые, выдаются вперед. И только спустя несколько месяцев начинаешь различать их друг от друга.

Единственной их одеждой служит полотенце, которым они обертывают себе бедра. Женщины носят небольшие юбки, сделанные из мягкой травы, и очень любят различные украшения из медной проволоки. Эти украшения они надевают не только на руки и шею, но и на ноги. Нередко удается встретить таких красавиц, у которых надето на лодыжках ног тонких браслеток кило на два (фунтов пять). Негры других племен, не Ва-гайя, одеваются несколько лучше. Но есть и такие племена, которые вовсе не имеют никакой одежды и ходят совершенно голыми.

Вполне взрослыми негры становятся уже на пятнадцатом-шестнадцатом году. Женщины в четырнадцать лет уже рожают детей. Это там вполне

нормально. Но в связи с этой рано наступающей зрелостью стоит и ранняя старость. Найти негра лет 60—65 очень трудно. В 45—50 лет они уже седые, совершенно дряхлые старики. Смерть обычно наступает в возрасте около 50—55 лет, а то и раньше. Таким образом приходится признать, что Ва-гайя гораздо менее долговечны, нежели мы, русские, и вообще европейцы. У нас старики 70 и даже 80 лет не большая редкость. Встречаются даже девяностолетние. Среди негров Африки таких стариков нет.

Что касается жилищ, то они в этих местах обычно делаются из тростника. Стебли так называемой слоновой травы (рис. 13), достигающие до 2 метров (3-4 аршин) длины, служат для таких построек хорошим материалом. Их связывают в длинные пучки, которые соединяют друг с другом наподобие церковного купола. Такую легкую постройку без труда могут поднять два человека. Ее ставят в намеченном месте и сверху покрывают пучками сухой травы, как у нас в деревнях покрывают крышу соломой. У такого жилища (рис. 14) есть низенький узкий вход, но окон нет. Таково жилище негров на берегу Виктории-Ньянца. В других местах Африки оно несколько иного вида и нередко еще проще построено, нежели только что описанное.

Вот в таком-то жилище негр и проводит всю свою жизнь вместе со своими двумя, тремя или даже четырьмя женами. Здесь же живут его дети,

которых никогда не бывает много. Здесь же на ночь помещаются три-пять коз, если они есть у негра. В этой же хижине готовится пища. Но никакой печки или плиты здесь нет. Негры их еще не научились делать.

Вся утварь хижины сводится к двум-трем большим глиняным горшкам, которые ставятся на камни, лежащие на земляном полу. Между этих камней разводится небольшой костер, дым от которого выходит через дверь. Две-три кучи сена служат постелями. Несколько сплетенных веревочек, пара трубок для курения, кусок железа, заменяющий нож, да пара выдолбленных тыкв, в которых держится питьевая вода, — вот все, что можно найти в хижине негра. Встав утром, негр заставляет одну из жен развести огонь, чтобы согреться от ночного холода. Надо сказать, что здесь ночи бывают очень холодные. Пообогревшись, он выходит из хижины, садится на корточки около ее входа и закуривает трубку с длинным мундштуком. Так он проводит почти целый день, и только случайные прохожие развлекают его, сообщая те или иные новости. Если становится очень скучно, если прохожих мало, он отправляется к соседям, где нередко собирается пять-шесть таких же скучающих бездельников, как и он сам. В разговорах, в обмене мыслями, в рассуждениях, часто совершенно бесполезных, проходит почти целый день. И здесь, надо отдать справедливость, негры племени Ва-гайя обнаруживают одну из своих характерных черт: они до последней степени правдивы. И если какой-нибудь случайный посетитель сообщил что-нибудь, можно с уверенностью сказать, что при пересказе этой новости ни одного лишнего слова не будет прибавлено. В результате вся округа или деревня будет знать только то, что сообщил какой-нибудь прохожий по имени Керира или Салиму. Поэтому в этой стране нет сплетен.

Только немногие из Ва-гайя занимаются коекакими незатейливыми ремеслами. Некоторые делают грубые ножи, наконечники для стрел и тому подобную мелочь. Другие делают браслеты из медной проволоки, которую покупают в городе у европейцев. Или, наконец, делают трубки для курения, или выдалбливают из тыквы сосуды для питьевой воды. Редко, но все-таки иногда бывает, что негры занимаются плетением из рисовой соломы довольно изящных сеточек для ношения в них разных мелких предметов. Эти сеточки покупаются с большой охотой арабами, индусами и европейцами. Вот собственно и все, чем занимается негр в этих местах. На заработки к европейцам он идет всегда с большой неохотой.

Негры неграмотны, они необразованы, они дики, и в ста километрах (верстах) от Букобы уже есть людоеды. Но нельзя сказать, чтобы негры были тупы или глупы. Наоборот — они очень умны, чрезвычайно правдивы и у них такая память, какой у европейцев нет. Мне приходилось

нередко слышать длинные рассказы, которые передавали негры слово в слово из уст в уста. И я не знаю случая, чтобы негр в этом рассказе при повторении его заменил одно слово другим. Достаточно сказать, что негры моего каравана, с которым я ходил на озеро Танганьику, в двадцать дней научились самоучкой и читать и писать. Этого довольно, чтобы понять, насколько они способны. И я думаю, что если дать неграм племени Ва-гайя полную свободу развития, здоровое воспитание и европейское образование, можно ждать, что эти так называемые дикари через несколько поколений ни в чем не уступят европейцам. Но грабительская политика англичан, а также немцев, которые тогда были здесь хозяевами, несомненно убивает жизненные силы этих еще диких, но чрезвычайно способных народов.

В то время как мужчина проводит так свой день, женщина выполняет всю домашнюю работу.

Ей нужно собрать дров, а это дело нелегкое в безлесных, почти степных местах. Ей нужно принести воды из ручья, который часто находится в нескольких километрах (верстах) от хижины. Ей нужно изготовить для своего мужа и для детей пищу — сварить бананы, которые необходимо сперва очистить от жесткой кожуры каким-нибудь обрезком железа, заменяющим нож. Ей нужно, наконец, позаботиться и о себе — раздобыть денег на украшения. А для этого надо поработать на

плантации или в городе. В тех случаях, когда при хижине есть огород, вся работа по уходу за ним, как и обработка земли, лежит тоже на женщине. Таково тяжелое положение ее в племени Ва-гайя, как и у громадного большинства других негритянских племен.

Благосостояние негра целиком зависит от дерева банана. Посадки этих деревьев обычно делаются около хижины (рис. 14 и 15). Банан — такое дерево, которое дает негру все нужное для его жизни. Трехаршинные, широкие сочные листья его, когда нужно, служат зонтиком. Свежий кусок листа, чистый, изумрудный, заменяет тарелку. Упавший гниющий лист дает богатое удобрение. Ствол, от которого совершенно свободно отдираются широкие полосы, очень похожие на нашу мочалу, дает все нужное, чтобы заменить веревки, бечевки, оберточную бумагу и многое другое. Но самое важное — это плод банана. Банановое дерево живет очень недолго — несколько месяцев. Оно дает большой початок, на котором имеется около сотни плодов, по форме и по величине довольно похожих на наши огурцы. Негру достаточно одного такого початка на два дня. Когда плоды с дерева срезаны, оно гибнет, и на месте его вырастает два новых дерева. Через несколько месяцев эти два новых банана дадут плоды, и на месте каждого из них вырастет опять два новых банановых дерева. Таким образом негр, получив в «приданое» хижину и двадцать-трид-

цать корней банановых деревьев, довольно спокойно может жить, ничего не делая.

Такова в общих чертах жизнь негра племени Ва-гайя.

Она полностью зависит от тех природных условий, в которых живет этот народ. Зимы в тропиках, т. е. в жарких странах, как у нас, со снегом, холодом, вьюгой, не бывает. Здесь круглый год тепло: в летние месяцы жарко, в зимние — немного прохладнее, потому что в это время идут сильные дожди. Деревья покрыты листьями круглый год, трава растет тоже круглый год. Зимой здесь так тепло, как у нас в хороший жаркий летний день. Снега здешние жители никогда и не видели.

Понятно, что бананы и другие растения круглый год приносят плоды, идущие в пищу. Негру не приходится делать запасов на зиму. Ему не приходится заботиться о крепкой теплой постройке — достаточно его травяной хижины. Ему не приходится особенно заботиться и об одежде — тепло. Можно круглый год ходить так, как мать родила. И только стыдливость заставляет его обертывать бедра куском материи, похожим на полотенце. Но есть и такие племена среди негров, которые даже этого не делают и ходят совершенно голыми.

Плодородная земля или леса, богатые дичью, дают ему пищу круглый год. Тепло, хорошо и ничего ему особенного не надо. Природа дает все. А это располагает к беспечной жизни. И только пришельцы-европейцы — французы, немцы, англичане и другие — беспокоят его, требуя податей, заставляя его работать на себя и нередко выполнять очень тяжелые повинности.

СБОРЫ НА ОЗЕРО ТАНГАНЬИКУ.

18 июля, распростившись с Эйсманом, я вернулся в город Букобу. Втечение ближайших двух недель я занимался упаковкой собранных коллекций. Надо было каждую букашку, каждую мушку уложить так, чтобы она могла доехать до России. А их было много тысяч. Надо было каждую шкурку птицы вывернуть, просушить, прибрать на ней перья и уложить так, чтобы она не помялась. Тут были и стаканчики со спиртом, в которых лежали ящерицы, змеи, черви, лягушки. Тут были и большие металлические ящики, в которых уложены были более крупные животные. Упаковав все это не без труда и хлопот, я отправил весь этот багаж в Ленинград, тогда еще Петербург, в Академию наук.

Покончив с этим делом, я начал собираться в далекое путешествие на озеро Танганьику, куда и выступил с караваном 3 сентября. Путешествие это должно было быть очень трудным и тяжелым, потому что в этих местах единственным способом передвижения является путешествие пешком. Предстояло же пройти в один конец около шестисот километров. Ни лошадей, ни

ослов, ни верблюдов, ни тем более железной дороги здесь нет. Понятно, что сборы в такое путешествие были очень долгими. Приходилось не только предвидеть то, что может потребоваться на Танганьике, но и все то, что будет необходимо в пути. Купить же по дороге ничего нельзя — ни нитки, ни иголки, ни пуговицы, ни башмаков, ни лекарства. Все это надо было предвидеть, достать, закупить и уложить. Мало того, для моей работы надо было взять и невод, и целую кучу мелких стаканчиков со спиртом, и большие сосуды для хранения в них рыб, и целый ряд различных крупных и мелких приборов, инструментов и пр. Но самым трудным в этих сборах было следующее: весь багаж надо было разделить на тюки так, чтобы в каждом из них было не больше тридцати килограммов (двух пудов). Кроме того надо было разделить так, чтобы вещи, которые могут потребоваться в пути, можно было достать в любое время. Далее, чтобы те тюки, которые будут развязываться ежедневно (кухня, постель, палатка), можно было легко и быстро связывать и развязывать. Это-то вот распределение по тюкам и было самым трудным делом во время моих сборов. Много горя мне доставил утюг, который было необходимо взять с собой. Никуда он у меня не лез. Если я его помещал в тюк с кухонной посудой, тюк становился слишком тяжелым. Со стеклянной посудой в один ящик его не положишь. К постели он как-то не

привязывался. А к столу я его никак не мог прикрепить. Одним словом, был момент, когда я пришел в отчаяние. Не в руках же его, проклятого, нести! А нужен этот утюг был вот для чего.

В этих диких странах немцы ввели дикий обычай. Когда европеец приходит в город (а я должен был попасть в город Узумбура), он должен явиться к начальству. При этом он обязан быть в белом костюме и в крахмальном свежевыглаженном воротничке. Смешно, но это так! Как только поздороваешься, тебе разрешают этот воротничек снять и бросить его на стул, потому что и без него в этих местах невыносимо жарко. Если же явишься без воротничка, начальство не станет с тобой разговаривать. Таков здешний обычай, введенный европейцами.

Одним словом, сборы к путешествию по Средней Африке вещь не легкая!

ПУТЕШЕСТВИЕ НА ТАНГАНЬИКУ.

В семь часов утра 3 сентября я выступил в далекий путь во главе каравана. Тридцать человек негров несли багаж, идя сзади гуськом.

Гордясь тем, что я иду туда, куда не всякий решится пойти, я с грустью чувствовал, что порываю последнюю ниточку, связывавшую меня с Европой. Уже ни письма, ни газеты до меня не будут доходить долгое время. Заболею ли я, случится ли что со мной, не смогу сообщить об этом никому.

Передо мной открывалось пространство, беспредельное, жуткое, полное опасностей, через которое надо было пройти около шестисот километров.

Такое пешеходное путешествие по Средней Африке называется сафари. Во время его день распределен по определенному плану, выработанному практикой.

С восходом солнца (в шесть часов утра) негры-носильщики поднимаются, варят себе бананы и завтракают. В шесть с половиной часов вставал и я. Мой помощник негр Марингуму к этому времени уже успевал вскипятить чайник. Я умывался. Марингуму мне приносил тарелку вареного риса, к которому я прибавлял пару бананов и посыпал все это сахаром. Это был мой завтрак. Выпив два стакана чая, я брал ружье, осматривал револьвер и, выйдя на середину лагеря, громко спрашивал на негритянском языке.

— Сафари тайяри? (Караван готов?)

Обычно мне отвечали — Тайяри! Затем носильщики, уже связавшие свои тюки, поднимали их на головы, и через несколько минут после команды — Сафари, квенда! (караван, вперед!), — мы трогались в путь.

Ровно час мы шли. За это время обычно удавалось пройти километров пять. Затем полчаса отдыхали. Потом опять шли час, полчаса отдыхали. Еще час — полчаса отдых и так далее и так далее, вплоть до деревни, около которой можно было остановиться на ночлег.

Немцы, владевшие в то время этой страной, устроили на расстоянии 25—30 километров специальные места для остановок караванов. Эти станции называются банда.

Когда к концу дня мы подходили к месту ночлега — к банде, всегда находящейся около большой деревни, сейчас же появлялся местный староста. Он получал от меня указания, сколько нужно принести пищи для негров каравана. Все принесенные продукты оплачивались мной согласно установленной таксе. Приэтом нельзя не отметить, что никогда никаких споров по вопросу о цене за принесенную пищу у меня не возникало. Наоборот, была видна всегда благодарность, так как властители-немцы, иногда путешествующие здесь по делам службы, обычно забывают платить.

В первые дни пути мы шли по ровной степи, прорезанной широкими и глубокими долинами. По дну этих долин почти всюду тянулись узкой полоской так называемые галерейные леса.

У нас таких лесов нет. Да это собственно и не лес. Это сплошная заросль небольших деревьев и кустарников, расположившихся узкой полосой по берегам ручья или небольшой речушки. Деревья и кустарники здесь густо переплетаются своими ветвями. Но кроме того все это еще переплетено тонкими, в палец толщиной, очень длинными вьющимися растениями, которые называются лианами. Получается чуть ли не сплошная стена древесной заросли. Такой галерейный лес обыч-

но тянется на десятки километров. В ширину же он всего метров 20—40 (саженей 10—20). Если надо пройти такой лесок поперек, приходится брать топор в руки и прорубать себе лазейку. Иначе даже сквозь 20 метров (10 саженей) этих зарослей пробраться невозможно. А проделка такой лазейки в 20—25 метров (в 10—12 саженей длины) обычно занимает не меньше получаса, а то и полтора: настолько густа эта заросль.

Итак, первые четыре дня пути мы шли по степи, на дне широких оврагов которой тянулись такие галерейные леса. Но дальше мы вступили в так называемую лесную саванну, то есть в степь, покрытую небольшими одиночными деревцами. То голые, то покрытые густой листвой, то имеющие вид зонтика, то похожие на нашу вишню, эти заросли издали кажутся посадками, и можно даже сказать, что общая картина напоминает наш фруктовый сад. Самая почва этих мест густо поросла сочной, не очень высокой травой.

Через восемь дней пути мы достигли маленького городка Биоаромуло, или, как его называют негры, Биаромура. Отсюда я свернул со своим караваном с большой дороги и направился в места, где вряд ли бывала нога европейца. Причиной этого уклонения от прямого пути было то, что необходимо было изучить слияние двух рек. Надо было узнать, сколько воды одна река вливает в другую.

Три дня пути по этим совершенно диким местам были страшно утомительны. Здесь приходи-

лось делать по шестидесяти километров в день, пробираясь по горам, оврагам, буеракам, зарослям и болотам.

Придя к намеченному месту слияния рек, я целых трое суток никак не мог подойти к ним. Их берега на несколько километров представляют топкое болото, которое совершенно непроходимо.

Блуждая таким образом вдали от рек и выискивая, где бы можно было пробраться к ним, я случайно зашел в лес. Проплутав по нему три-четыре часа со своими спутниками (тремя-четырмя неграми), я вдруг вышел на поляну. Здесь мы могли отдохнуть от колючих лиан, которые во время блуждания по лесу царапали в кровь лицо, руки, спину и все тело. Присев на первую попавшуюся кочку, я обратил внимание на то, что на этой полянке находятся восемь шалашиков в метр (аршина полтора) высотой. Я спросил негров, что это такое. Но они ничего не смогли мне объяснить. Отдохнув, я подошел к этим небольшим построечкам и увидел, что между ними не так давно был разложен громадный костер. Посмотрев на это, я пошел дальше, и вскоре натолкнулся на небольшой участок почвы, которая была взрыхлена массой муравьев. Я копнул ногой, и из земли показалась бедренная кость человека. Взяв ее в руки, я был поражен. Это была обугленная кость человека, который был, очевидно, зажарен, так как куски жареного мяса и следы обгладывания были совершенно ясны. Тогда мне стал

понятен и этот громадный костер, на котором был зажарен человек. Мне стало ясно, что в этом месте незадолго до моего прихода происходило пиршество, во время которого был съеден несчастный. Нет никакого сомнения, пировали живущие здесь негры, племени Викки, которые ушли из деревни сюда, в лес, чтобы втихомолку выполнить это гнусное дело.

Неожиданность открытия того, что я уже несколько дней живу в стране людоедов, что я с ними мирно разговариваю, что я им делаю подарки, меня поразила. Когда я вернулся к своей палатке и увидал около нее человек пятнадцать этих Викки, я подумал почему они меня не убьют и не съедят? Ведь я перед ними бессилен. Что я могу сделать один с пятнадцатью или двадцатью неграми, а может быть даже и с целой деревней? Случись что-нибудь похожее на нападение, — мои проводники все бы разбежались спасая свою жизнь, и не стали бы защищать меня.

Но как бы то ни было, я пробыл в этих местах еще целую ночь, день и еще ночь, и только тогда отправился дальше, стараясь выбраться на ту дорогу, по которой шел раньше.

СТРАНА У-РУНДИ.

Уже на следующий день по выходе из тех мест, в которых живут людоеды, я вступил в область, заселенную воинственным племенем Ва-рунди. Высокие, стройные, красивые, вооруженные всегда длинным копьем и луком, всегда имеющие при себе острый железный самодельный нож, они невольно заставляли относиться к себе с большим почтением. Гордые, надменные, они были в то же время любезны, внимательны и общительны.

Домашний быт этих негров (племени Ва-рунди) очень похож на то, что мы видели на берегу Виктории-Ньянца у племени Ва-гайя. Жизнь племени совсем иная. Ва-рунди — скотоводы, имеющие громадные стада коров. Коров разводят для мяса. Молока они почти не дают. И этот скотоводческий образ жизни вызывает целый ряд особенностей. Ва-рунди гораздо более дики, нежели Ва-гайя. Они почти все время воюют с соседними племенами, причем эти войны отличаются жестокостью. Они занимаются грабежами. Они не считают дурным убить человека, и чувство мести у них развито до последней степени. Они рабовладельцы.

Ва-рунди еще не имеют понятия даже о таких вещах, как деньги. Их заменяют бусы и раковины. Когда я выступал в путешествие на Танганьику из Букобы, я уже знал об этом, и потому в моем багаже был большой запас этих разноцветных денег. Вплоть до самой Танганьики я расплачивался за продовольствие для своего каравана этими странными, по нашим понятиям, предметами, которые у нас имеют совсем иное назначение.

Через трое суток очень тяжелого пути я наконец выбрался на прежнюю дорогу.

Делая по 25—40 километров в день, я на двадцать второй день по выходе из Букобы наконец с высоты прибрежных гор увидел озеро Танганьику.

Прежде чем перейти к описанию этого озера, я расскажу о том, какими приключениями сопровождалось путешествие по стране У-рунди. Я опишу только один день, и этого, думаю, будет достаточно, чтобы понять всю тяжесть путешествия по Средней Африке.

Однажды утром мы вышли в путь, переночевав в селении Киссора. Шли час, потом отдыхали, шли еще час, опять отдыхали—и так до двух часов дня. За все это время вода нам нигде не попадалась, и мои проводники и я невыносимо страдали от жажды. Наконец вдали показалась деревня. Раз деревня — около нее должна быть вода. И действительно, вскоре мы увидели ручей. Однако вода в нем была настолько грязная и вонючая, что пить ее было совершенно невозможно. Усталые, истомленные жаждой, негры пошли в деревню, в хижины, чтобы там напиться. Но жители, не зная, какой караван приближается к ним, с хорошими или дурными намерениями, все попрятались. Когда один из наших негров, Мушмари, заглянул в одну из хижин, хозяева ее неожиданно схватили его за шею, втянули в свое жилище и хотели убить. И только подоспевшие товарищи

по каравану спасли его от смерти. Вскоре после этого небольшого приключения, отдохнув, мы тронулись дальше в путь. Через полчаса мы повстречались с отрядом воинов, которые шли с грабежа. Вооруженные луками и копьями, с раскрашенными белой краской лицами, они произвели на меня такое впечатление, что я этого не забуду всю жизнь. А караванные люди при виде их, так перепугались, что побросали свои тюки и разбежались в разные стороны. Но нас Ва-рунди не тронули. После этого целых три часа я собирал караван, покуда его не наладил.

Время было позднее, и мы должны были заночевать в первой попавшейся хижине. Пищи здесь мы достали мало и легли спать полуголодные, ежесекундно боясь нападения в ночной темноте.

Таких приключений на протяжении пути по стране У-рунди было много.

ОЗЕРО ТАНГАНЬИКА.

Озеро Танганьика может быть названо, как и озеро Виктория-Ньянца, пресным морем. Длина его больше шестисот километров, ширина около 100—150 километров. Оно лежит на дне очень глубокой впадины, окруженной высокими горами.

Чудная прозрачная светлоголубая вода этого озера иногда бывает гладкой, как поверхность небольшого пруда. Она бывает настолько гладкой, что негритянки ходят смотреться в нее, как в зеркало (зеркал ведь в Африке нет). Но часто

на нем поднимается сильное волнение, и тогда озеро темнеет, становится почти черным, громадные волны, пенясь, выбрасываются на берег, и горе тому, кого эта буря захватит на лодке. Громадные лодки-долбленки шутя перевертываются во время таких волнений, обычно наступающих совершенно неожиданно. Но в то же время это озеро настолько красиво, что, когда я его увидал, я не пожалел о тех трудностях, которые испытал за время пути от Букобы до него.

Спустившись с прибрежных гор к самому озеру, я попал в город Узумбуру, где и прожил два с лишним месяца.

Город этот очень небольшой — в нем всего три европейца — но раскинулся он очень широко благодаря тому, что от его середины тянутся длинные ряды пальм в разные стороны.

Главной задачей моего путешествия на озеро Танганьику было следующее: мне надо было выяснить, какие рыбы водятся в этом озере. Я стал каждый день с помощью нанятых негров ловить неводом рыбу. Озеро оказалось чрезвычайно богатым. Каждый раз, закинув невод, мы вытаскивали до 150—200 килограммов (десяти пудов) рыбы. В конце концов нами было поймано за два месяца тридцать пять пород рыб. Среди них, конечно, не было ни одной такой, которые водятся у нас. Самой замечательной является так называемый электрический сом. Эта небольшая рыба по своей форме похожа на нашего сома. Только она светло-

желтая с темными круглыми пестринами. Если эту рыбу взять в руки, она разряжает заключающееся в ней электричество, и получается сильный удар. От этого руки могут перестать двигаться минут на десять, а то и на целый час. Убить до смерти человека своим электричеством сом не может, но бывают случаи, когда от такого удара человек теряет сознание. Один этот пример показывает, насколько своеобразно рыбное население озера Танганьики.

Не менее интересны и те животные, которые держатся на берегах. Здесь иногда собирается такая масса птиц — гусей, небольших цапель, журавлей, водяных курочек и других, что, сидя на одном месте, можно насчитать тысячи и десятки тысяч штук. Я несколько раз пробовал стрелять по диким гусям, которые мирно паслись на берегу. И мне удавалось убить сразу две-три и даже четыре штуки.

Здесь же на берегу нередко можно видеть громадных крокодилов (рис. 17), которые вылезают из воды погреться на солнце и которые опасны для всякого, кто захочет искупаться в водах озера. Перекусить ногу, откусить руку у человека крокодилу ничего не стоит. Бывают даже случаи, когда это животное, поймав человека, утягивает его в воду и там пожирает без остатка. Одним словом, и на чарующих своей красотой нежных водах Танганьики то и дело происходят ужасы.

Проработав два с половиной месяца в городе Узумбури, я тронулся с собранными вещами об-

ратно в город Букобу, имея караван уже в сорок два человека. Я опять зашел в те места, где встретился с людоедами, и прожил среди них еще несколько суток. Обратный путь был не менее тяжел, чем когда я шел на Танганьику.

Третьего января я наконец вернулся в Букобу. Здесь я получил газеты и письма из далекой России, которые скопились за четыре месяца моего отсутствия. Третье и четвертое января я провел за чтением их, отдыхая. Пятого же января слег в постель больной. Я заболел так называемым тропическим тифом и целых пять месяцев пролежал в полном одиночестве. И здесь-то я испытал те ужасы, которые приносит одиночество путешественнику, заброшенному в далекую чужую страну. Ни помощи, ни ухода, ни лекарств я ни от кого не мог ждать. Я был один. Бывали случаи, когда во время сильного приступа озноба я должен был вставать с постели и, обессиленный болезнью, ставить свою палатку, упавшую от ветра или подмытую дождями. Были дни, когда десятки и сотни крыс нападали на мой багаж, грызли его, и я не имел сил их прогнать. Они забирались на меня, под одеяло, грызли все, что им попадалось, и, если я шевелился, кусали мои ноги и руки. Обессиленный болезнью, нередко не могущий даже налить себе воды из чайника в кружку, я чувствовал себя очень тяжело. И действительно положение было ужасное. К счастью, все кончилось более или менее бла-

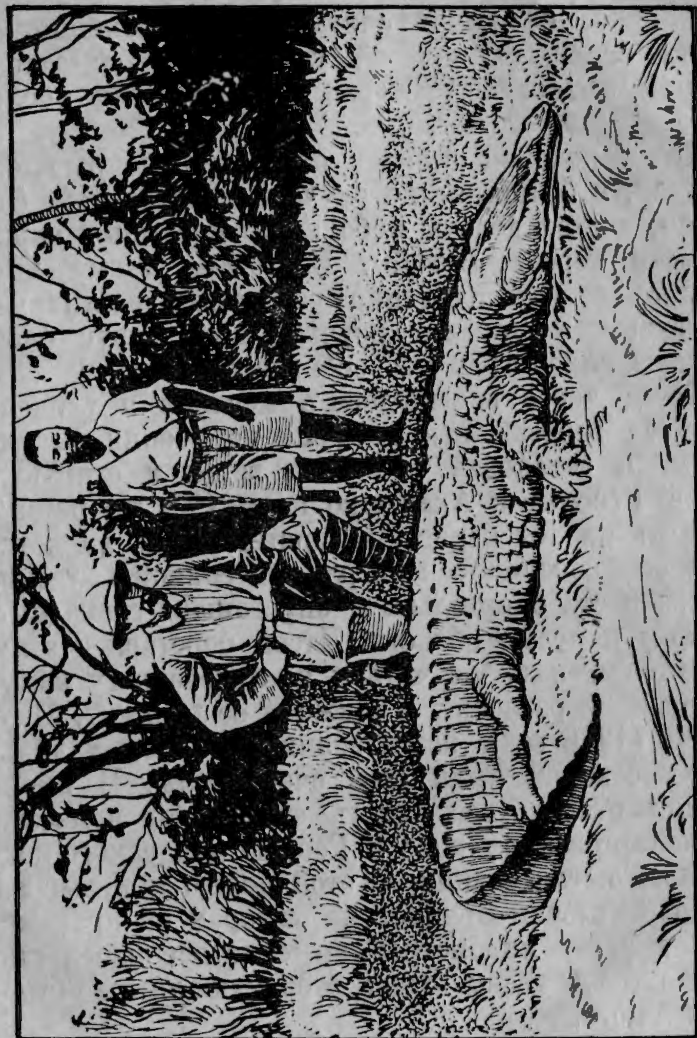

Рис. 17. Крокодил.

гополучно, если не считать, что временно я почти ослеп на правый глаз. Это — благодаря черной лихорадке, которая была у меня после тифа.

Когда наконец я более или менее поправился от этой, в большинстве случаев смертельной, болезни, я стал делать небольшие поездки в окрестности города Букобы. Благодаря этому мне удалось собрать большие коллекции различных животных и хорошо изучить весь округ близ Букобы километров на восемьдесят — сто.

Когда через восемь-девять месяцев я увидел, что все возложенные на меня поручения выполнены, я запаковал все свои вещи и отправил их в Россию, в Академию наук. Сам же решил поехать на тот берег Виктории-Ньянца, на котором все население вымерло от сонной болезни. Болезнь эта смертельна и опустошает громадные районы и целые области. Чтобы бороться с этим бедствием, надо изучить и исследовать ту муху, которая ее разносит, а также и ее личинку. В то время (1913 год), наши знания об этом маленьком насекомом были еще очень малы. И вот я решил отправиться искать его, чтобы привезти в заспиртованном виде в Россию для самого подробного исследования. С этой целью я и выбрал берег Виктории-Ньянца, на котором на протяжении двухсот километров вымерло все население от сонной болезни. Здесь этой мухи должно было быть много.

На небольшой лодке я тронулся в путь совершенно один, и уже через четыре дня достиг этих страшных, безлюдных, диких мест.

День во время этого путешествия распределялся у меня следующим образом: с восходом солнца я вставал, разводил костер, кипятил чай и что-нибудь ел, затем садился в лодку и плыл, работая веслами до трех-четырех часов дня. Если я замечал гуся, утку, или какую-нибудь другую съедобную птицу, я убивал ее себе на обед. Проезжая по 15—20 километров в день, я употреблял довольно много времени на исследование прибрежных зарослей в поисках той мухи и ее личинки, которые были мне так нужны. Часа в четыре дня я выбирал себе удобное место для стоянки — какой-нибудь заливчик или заводь и приставал к берегу. Здесь я втаскивал свою лодку на песок, разводил костер, готовил ужин и ложился спать.

За двадцать дней путешествия в такой обстановке в этих безлюдных местах со мной случилась масса приключений. Не было дня, когда моя жизнь не находилась бы в серьезной опасности по той или другой причине. Для примера расскажу только одно происшествие.

Однажды, улегшись в лодке спать и накрывшись теплым одеялом (ночи здесь очень холодные), я заснул. И вот во сне я почувствовал, что ногам моим неловко — что-то тяжелое их давит. Открывать закрытую одеялом голову мне не

хотелось, так как было сыро и холодно. Я просто поболтал ногами. Стало легче. Но через несколько времени тяжесть опять как-то медленно стала придавливать мои ноги. Я опять подвигал ногами, и стало легче. Но когда эта тяжесть в третий раз навалилась на меня, я решил все-таки посмотреть, в чем дело. Осторожно я приподнял край одеяла и увидел, что громадная змея — водяной удав — нашла очень удобным поместиться на мягкой подстилке. Змея эта была длиной метров 5. Правда, она не ядовитая, это я знал, но она очень сильная и, обвившись вокруг руки, может свободно ее сломать, обвившись же вокруг шеи — может задушить. Ясно, что надо было как-нибудь освободиться от этой непрошенной гостьи. Выбрав удачный момент, я схватил ее рукой за шею и сунул ее морду в воду. Перепугавшаяся змея начала быстро шевелиться и извиваться, свалилась в воду, и через несколько времени я видел, как она поплыла по озеру.

Такого рода приключений было много, и все они кончались более или менее благополучно. Но вот однажды, когда уже путешествие мое приближалось к концу, на меня напали бегемоты, и я потерпел настоящее крушение.

Бегемоты (рис. 18) — это огромные четвероногие животные, которые держатся в воде. Чрезвычайно толстокожие, с громадной головой, они достигают тонны с лишком (шестидесяти — восьмидесяти и даже больше пудов) веса. День они сидят под

водой или в воде, а ночью выходят на берег, где и кормятся травой. Вот с этими-то животными мне и пришлось встретиться.

Я уже выбирал удобное место для остановки. Время приближалось к вечеру. Вдруг мою лодку качнуло волной так, что она носом зацепила спину находившегося под водой бегемота. Он всплыл

Рис. 18. Бегемот, выходящий на берег.

на поверхность, открыл пасть и громко заревел. Сейчас же с другой стороны лодки, метрах в четырех (аршинах в шести), показался другой бегемот. Вероятно, это была пара — самец и самка. Мгновенно я напряг все усилия, чтобы доплыть как можно скорее до берега. Но первый бегемот поднырнул под лодку, поднял ее на своей спине и перевернул. Все мои вещи, а с ними и я очутились в воде. Умея плавать, я быстро напра-

вился к берегу и благополучно до него добрался. Но когда я стал выбираться на сухое место, то почувствовал страшную боль в левой ноге. Вылезши, я увидел, что вся моя нога ниже колена сплошь окровавлена. И теперь, вспоминая это происшествие, я не могу сказать, в чем тут дело, чем я повредил себе ногу. Может быть, когда я плыл, я ударился о какой-нибудь из своих ящиков. Может быть, я зацепил за шершавую голову бегемота, а может быть, за что-нибудь еще. Боль в ноге была так велика, что я потерял сознание и очнулся только тогда, когда на небе ярко светили звезды.

У меня погибло все. Все оставшееся имущество заключалось в рубашке, коротких штанах и поясе, которые были надеты на мне. На поясе висел охотничий нож. Вот и все, что было у меня.

На утро я не без труда вырезал себе костыли, сперва изорвав рубашку на бинты, которыми обвязал себе ногу. С помощью костылей я добрался до того берега, куда волны должны были выбросить мои вещи. Я был голоден. На мое счастье оказалась прибитой к берегу тыква, которая была у меня в лодке. Ясно, что я ее немедленно разрезал и часть съел сырой.

На вырезание костылей и поиски пищи ушел почти целый день. Приближался вечер. Голодный, со страшно болевшей ногой, я забрался в какую-то яму под кустом, где провел ночь, боясь быть съеденным леопардами, мяуканье которых не давало возможности заснуть. Если бы у меня еще были спички, я мог бы развести костер, который предохранил бы меня от хищных зверей. Но и спичек не было.

На утро я тронулся в путь, зная, что мне осталось до селения Букаката около сорока километров. Я надеялся пройти это расстояние с больной ногой в два-три дня. Но случай вывез меня. Как раз в эти места приехали на лодке шесть негров за дровами. И я уговорил их сперва накормить меня бананами, а затем доставить в Букакату. Через несколько дней я попал в английский госпиталь в город Энтеббе, где пролежал около месяца.

Выздоровев, я тронулся в обратный путь в царскую Россию, которая меня, перенесшего так много различных лишений, опасностей и неприятностей, встретила так: при выходе с парохода на пристань в городе Одессе я был арестован... за просрочку паспорта.

Библиотека Академии ... СССР

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От России до Египта 3
От Александрии до Момбаза 10
В глубь Африки 18
Букоба и ее окрестности 26
Плантация Эйсмана 34
Быт негров 37
Сборы на озеро Танганьику 47
Путешествие на Танганьику 49
Страна у-рунди 54
Озеро Танганьика 57

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА—ЛЕНИНГРАД

КНИГИ ДЛЯ КРЕСТЬЯН
ПРИРОДА И ЛЮДИ

Лебедев Н. К.—Почему надо считать время по новому календарю. Стр. 48. Ц. 10 к.

Лебедев Н. К. — Когда будет конец света. С рис. Стр. 48. Ц. 10 к.

Лесная Л.—Затмение луны и солнца. Стр. 32. Ц. 15 к.

Любарский В.—Тайна куриного яйца. Стр. 45. Ц. 10 к.

Малинко В.— Сколько лет матери-земли. Стр. 46. Ц. 10 к.

Минц Г.—Животные и растения. С 8 рис. Стр. 32. Ц. 15 к.

Минц Г.—Зеленые фабрики. С рис. Стр. 38. Ц. 18 к.

Минц Г.— Ум животных. С рис. Стр. 48. Ц. 20 к.

Морозов Б. Д.— Что такое наследственность и ее значение в сельском хозяйстве. Стр. 47. Ц. 12 к.

Образцов А. В.— Брожение. С 11 рис. Стр. 48. Ц. 18 к.

Рощин М.— Как зачались живые твари на земле. С 31 рис. Стр. 70. Ц. 15 к.

Семенов А.— Беседы о газах. Стр. 48. Ц. 7 к.

Соболева Г.— Кровь. Стр. 32. Ц. 6 к.

Упьф — Мир живой и неживой. Стр. 64. Ц. 12 к.

Язвицкий В.—Борьба человека с природой. С 9 рис. Стр. 48. Ц. 12 к.

Язвицкий В.— Солнце, луна, земля и звезды. Стр. 75. Ц. 12 к.

Язвицкий В.— Черное золото. О каменном угле. С рис. Стр. 40. Ц. 6 к.

Язвицкий В. Среди вечных льдов. Стр. 46. Ц. 15 к.

Ларский Л. А. — Первый русский ученый крестьянин Михайло Ломоносов. Стр. 31. Ц. 8 к.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

КНИГИ ДЛЯ КРЕСТЬЯН

НАУКА И ТЕХНИКА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ

Красинский, А. П. Что дает наука сельскому хозяйству. Стр. 73. Ц. 15 к.

Балиев, В. П. Какие бывают плуги, как они работают и какого ухода требуют. Стр. 80. Ц. 15 к.

Дебу, К. И. Двигатель в сельском хозяйстве. Стр. 70. Ц. 15 к.

Дебу, К. И. Уход за сельскохозяйственными машинами и орудиями. С 27 рис. Стр. 64. Ц. 15 к.

Есин, В. З. Электричество и трактор в сельском хозяйстве. С рис. Стр. 64. Ц. 10 к.

Есин, В. З. и Кравченко, А. П. Электричество и электрификация. Стр. 48. Ц. 8 к.

Зелинская, А. Самолет в деревне. С рис. Стр. 24. Ц. 12 к.

Колодная, А. Машина в сельском хозяйстве. С рис. Стр. 48. Ц. 12 к.

Плотников, С. Жернова и поставы для крестьянских мельниц. Стр. 43. Ц. 12 к.

Соколов, Н. П. Орудия обработки почвы. С рис. Изд. 2-е. Стр. 64. Ц. 12 к.

15 коп.

28097

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА — ЛЕНИНГРАД

ОТКУДА И КАК МОЖНО ВЫПИСАТЬ

КНИГИ ДЛЯ ДЕРЕВНИ

Москва, Центр, Госиздат „КНИГА ПОЧТОЙ"

ВЫСЫЛАЕТ

КНИГИ ВСЕХ ИЗДАТЕЛЬСТВ,
имеющиеся на книжном рынке,
немедленно по получении заказа.

Книги высылаются почтовыми посылками или бандеролью наложенным платежом. При высылке вперед всей стоимости заказа (до 1 рубля можно почтовыми марками) пересылка бесплатно.

ИСПОЛНЕНИЕ ЗАКАЗОВ БЫСТРОЕ И АККУРАТНОЕ

Чтобы получить книжки для деревни, надо выписать название книжки, указать, кто ее писал (автор книжки), какое количество (сколько экземпляров) требуется, сколько денег или марок высылается.

В письме необходимо указать подробный адрес заказчика, ближайшее почтовое отделение или станцию, село или деревню, волость, уезд и губернию.

Каталог (список) книг для деревни высылается по требованию бесплатно.

169